

ТАВТА ДІА ВСАХЪ

зеты

да ея:

35

10/11/1911

12/11/1911

Театръ и Музыка.

Утро памяти Коммиссаржевской.

Тускло, слезливо горятъ поминальныя свѣчи въ фойѣ Новаго драматическаго театра.

Въ толпѣ, наполнившей залъ, гдѣ еще витають свѣтлая тѣнь Коммиссаржевской, преобладають скорбныя черныя цвѣта. Тоскливой безнадежностью зазвучала мелодія шопеновскаго „Marche funèbre“, — и толпа слушала его стоя, въ благоговѣйномъ молчаніи.

Красиво построенную рѣчь сказалъ О. Дымовъ, отмѣтивъ, что служеніе В. Ѳ. театру „было похоже на какое-то предопредѣленіе, на исполненіе чьей-то скрытой воли“. Мысль и вѣрная, и тонко подмѣченная.

Въ условно-театральной, оставляющей безучастнымъ манерѣ прочла В. Мичуринна стихотвореніе Т. Щепкиной-Куперникъ и для чего-то, вслѣдъ за этимъ, еще одно.

Пѣли Макаровъ и Тартаковъ, красиво и строго пѣлъ женскій хоръ (муз. Лядова) къ „Сестрѣ Беатрисѣ“, съ которой связаны лучшія, самыя волнующія воспоминанія о В. Ѳ., какъ артисткѣ.

Довольно большой, расхолаживающій антрактъ — и вотъ мы въ кошмарномъ мірѣ пятаго акта „Жизни человѣка“, поставленнаго на этотъ разъ Л. Андреевымъ.

„Жизнь человѣка“, одна изъ изысканнѣйшихъ постановокъ театра временъ Коммиссаржевской, не напоминаетъ о живой Вѣрѣ Федоровнѣ, — она въ этой пьесѣ не играла, но напоминаетъ зато о ея жуткой, безвременной кончинѣ.

Ожилъ и получилъ въ день поминокъ особый смыслъ — суровый силуэтъ „Нѣкоего въ сѣромъ“, и отвратительный, хихикающій смѣхъ старухъ вокругъ умирающаго Человѣка...